

«достопамятного нашего Татищева». В целом ряде случаев Болтин отмечает такие качества труда Татищева, как то, что «повествование его достойно есть совершенной достоверности» и что он описывает события «просто, но вразумительно, обстоятельно, но без излишеств», в то время как описание Щербатова «непонятно, если он в летопись Татищева не посмотрит».²⁴ Не безынтересно свидетельство такого строгого критика чужих работ, как Август Шлецер. Он пишет, что «История» Татищева «получила большую известность (eine hohe Reputation), в рукописи она перешла из рук в руки, она была долгое время и частью является и теперь оракулом для всех читателей летописей».²⁵ Цель, поставленная себе Татищевым при переработке его «Истории» на новое наречие, была в известной мере достигнута.

Поэтому справедливее считать В. Н. Татищева не столько последним представителем отмиравшей древнерусской летописной историографии, сколько первым представителем возникающего нового типа историографического труда. Таковым Татищев является и как исследователь в своих обильных примечаниях к тексту «Истории», и как повествователь в своем стремлении создать труд, который был бы привлекателен и доступен не только для современного ему русского читателя, но мог бы привлечь внимание и читателя тогдашнего западноевропейского мира.

²⁴ Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794, стр. 117, 128.

²⁵ A. L. Schlözer. *Hestor. Russische Annalen, Erster Theil.* Göttingen, 1802, стр. 93; В. С. Иконников (Опыт русской историографии, т. I, кн. 1, Киев, 1891, стр. 183, прим. 7) считает, что Татищев понимал требования ясного изложения и красоты слога, но невыработанность русского языка того времени мало способствовала выполнению этого требования.